

ПЕЧАТЬ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ДВОРЯНСТВА
В КОНЦЕ XIX в.

Выявляя сущность внутренней политики самодержавия при Александре III, Ленин специально отмечал ее продворянскую направленность. В 80-е годы делается, пишет он, «„шаг назад“ к дворянству».¹ В царствование Николая эта линия получила дальнейшее развитие. Весной 1896 г. для обсуждения дворянского вопроса министр внутренних дел И. Л. Горемыкин собирает большинство губернских предводителей дворянства, а 13 апреля 1897 г. рескриптом царя на имя председателя Комитета министров И. Н. Дурново учреждается Особое совещание по делам дворянства. Целью его объявлялось восстановление экономических и политических сил сословия. О серьезности этого намерения свидетельствовало и то, что членами Совещания были назначены главы наиболее важных министерств и ряд видных сановников. Крайняя дворянская реакция, такие издания, как «Гражданин» князя В. П. Мещерского, «Московские ведомости», не довольствуясь тем, что царизм уже сделал для укрепления своей социальной основы, давно добивались от самодержавия новых и самых решительных действий в поддержку дворянства, и теперь усилиями наиболее реакционной части правящей верхушки возрождение дворянства выдвигалось как самая неотложная и наиболее важная задача государственной жизни.

В лагере охранителей это праздновалось как крупнейший успех в борьбе с теми силами, которые выступали за дальнейшее продвижение России во взятом после реформы 1861 г. направлении.

Правда, весь предшествующий опыт способен был скорее убедить в трудности реализовать одержанную победу. Самодержавие уже не в первый раз пыталось укрепить положение старорежимного дворянства, будучи озабочено прежде всего непрекращающейся убылью дворянского землевладения и, кроме того, все расширяющимся проникновением на государственную службу разночинского элемента, а в само дворянское сословие — чиновничества и отчасти духовенства. В специально учрежденных правительственных инстанциях разрабатывались соответствующие проекты, но все попытки осуществить намеченные

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 81.

в них меры кончались неудачей прежде всего вследствие их нежизненности. Они резко противоречили пореформенному строю жизни и собственным потребностям все разрастающегося аппарата власти.

В первом случае выход пробовали найти в массовом переводе дворянского землевладения на режим заповедности, т. е. в возрождении одного из важнейших институтов средневековья, которому теперь пришлось бы существовать в обстановке развитого буржуазного уклада. При этом возникали столь значительные трудности, что замысел пришлось надолго оставить без движения.² Не удавалось закрепить за дворянством и его прежнее господствующее положение на государственной службе. Ни в чем не сумели изменить и действующий механизм пополнения сословия. По-прежнему в дворянство притекали тысячи выходцев из среды чиновничества, вызывая у землевладельческой части опасение, что в конце концов, при таком положении вещей, она будет оттеснена на второй план, не говоря о том, что и социально эта категория была далеко не равнозначна поместному дворянству и ее преобладание повело бы к изменению политического облика класса в целом.

Правительственная власть высказывала неудовлетворенность создавшимся положением, ожидала дальнейшего его ухудшения, но все попытки дать течению новое направление, пустить его по новому руслу ни к чему не приводили.

Теперь на старые вопросы предстояло найти новые ответы, хотя к моменту появления рескрипта никто из среды дворянства или правительственных сфер ничего нового, не выдвигавшегося прежде предложить не мог. Да, конечно, ничего принципиально нового, сверх того, что уже не раз рассматривалось, и нельзя было открыть. И поэтому новое обсуждение приобретало вид некоей алхимической задачи, так как каким-то таинственным и пока еще никому не ведомым способом надлежало найти чудодейственное средство, способное вернуть жизнь и благосостояние слабеющему и вымирающему сословию феодального общества, а дворянство хотели восстановить именно в этом последнем качестве в подражание дореформенному образцу.

Но дворянство с 1861 г. изменилось очень во многом, хотя о характере, а главное, о степени этих изменений точных сведений не имелось. Насколько поместное дворянство соответствует представлениям о нем, каковы его экономическое положение и сила, в правительственных кругах не знали, и потому приходилось действовать в потемках, руководствуясь больше общими соображениями, чем знанием реальной обстановки. Очень важ-

² Об этом см.: Ю. Б. Соловьев, Правительство и политика укрепления классовых позиций дворянства в конце XIX века. — В кн.: Внутренняя политика царизма. Труды ЛОИИ. Вып. 8. Л., 1967, с. 239—280.

ным было и то обстоятельство, что прежние обсуждения и рассмотрение дворянского вопроса отчетливо выявили отсутствие в правительственных сферах единомыслия на этот счет. Они не выработали никакой программы, которой можно было бы воспользоваться вновь созываемому совещанию и вокруг которой могло бы сплотиться устойчивое, одинакового образа мыслей большинство.

Осложняло работу совещания не только отсутствие фактических данных, но и назревавшие в правительстве разногласия по важнейшим проблемам государственной жизни. Накопленный опыт говорил, что возврат к прошлому как главное направление движения страны в условиях ускоренного и самим правительством поощряемого развития промышленности, т. е. капитализма в его самых современных формах, вызовет острейшие конфликты и противоречия, потребует грубого насилия над всем налаженным ходом жизни, основанном на началах капиталистических, ущемит интересы не только буржуазных элементов, но и слоев дворянства, уже захваченных развитием капитализма, и в конечном итоге поведет к глубоким потрясениям существующего строя. Это не могло не вызвать противодействия тех сторонников дальнейшего продвижения России по пути, намеченному реформой 1861 г., которые более или менее сознательно, с большим или меньшим пониманием перспективы учитывали необратимые процессы, определявшие течение жизни страны.

Выдвижение дворянского вопроса в качестве первоочередного государственного дела вело к заметному обострению противоречий между старым (пережиточно-крепостническим) и новым (объективно буржуазным) началом.

Столкновения и противоречия в правительстве предвосхитила полемика в печати, развернувшаяся с начала 1897 г. вокруг дворянского вопроса, который понимался не в своем узком значении, а именно как вопрос о том, по какому пути должна идти Россия, какое будущее предстоит ей. Пищу этой полемике, сразу придав ей большое звучание, дала статья Б. Н. Чичерина в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 29 января 1897 г. Виднейший представитель консервативно-либерального направления русской общественной мысли, европейски известный ученый, слово которого было высоко авторитетно для лиц, занимавших в обществе прочное и почетное положение, но не чуждых либерализма и расположенных к дальнейшей европеизации России, высказал свою точку зрения на то, что представляет собой дворянство, какое место оно занимает в обществе, каково его государственное значение и что ждет его впереди.

Симпатии Чичерина целиком принадлежали дворянству, и именно с ним он связывал свои надежды на постепенное превращение России в государство западноевропейского типа, ибо в России только дворянство могло стать тем состоятельным и вместе

независимым элементом, который, в представлении Чичерина, и определил форму правления в странах Западной Европы, поставив государственную власть в определенные рамки и став основой и главным регулятором существующего порядка. Сохранение и укрепление дворянства как независимой и влиятельной силы были для Чичерина неперемнным условием такого же развития в России. Придерживаясь этой точки зрения, Чичерин порицал всю политику правительства в дворянском вопросе во время царствования Александра III, которая в итоге ограничила независимость дворянства и нанесла ему сильнейший удар в сфере экономики. В доказательство Чичерин привел создание института земских начальников — бюрократического элемента, сосредоточившего в местном управлении власть, ранее принадлежавшую дворянству, преждему безраздельному хозяину в уезде.³

Обращаясь ко второй стороне правительственной политики, Чичерин прежде всего отмечал вполне благоприятные для дворянства последствия реформы 1861 г., поскольку благосостояние его за прошедшие десятилетия возросло, о чем якобы свидетельствовала удвоившаяся цена на земли, оставшиеся во владении дворянства. А если некоторые помещики и лишились имений, то по причине их собственного неумелого хозяйствования. В этом Чичерин был категоричен. «Лично я не знаю примера помещика, который разорился бы не по собственной вине»,⁴ — решительно заявлял он. Не признавая каких-то общих причин упадка до наступления сельскохозяйственного кризиса и введения покровительственной системы, эту последнюю он осуждал безусловно, квалифицируя ее как «подать, налагаемую на земледельческий класс в пользу промышленного, и притом в такое время, когда первый класс находится в критическом положении, а второй богатеет. Покровительственная система, при постоянных условиях русского хозяйства есть дозволение богатым обирать бедных».⁵ Таким образом, вновь подтверждалось, что оппозиция витевскому финансово-экономическому курсу исходила в первую очередь со стороны либеральствующего дворянства,⁶ которое, пусть анемично, но все же выступало в единственном в конце XIX в. числе за дальнейшую европеизацию России, т. е. за ее эволюцию по буржуазному пути, о чем сама буржуазия в это время и не заговаривала.

В этом нашло выражение одно из существеннейших противоречий русской жизни: за буржуазную эволюцию страны высту-

³ Б. Чичерин. О современном положении русского дворянства. — Санкт-Петербургские ведомости 29 января/9 февраля 1897 г., № 28, с. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ По крайней мере нет никакой разницы между отношением к покровительственной системе реакционного и либерального земского дворянства. Она отвергалась помещичьим классом в целом.

пала сила, которую лишь очень условно можно принять за буржуазную в плане экономико-политическом, тогда как сама буржуазия была безгласна и бесконечно далека от какой-либо осознанной и целенаправленной оппозиции, да и вообще находилась еще в совершенно аморфном состоянии, не будучи организованной как политическое течение. Но, желая европеизации России, эта же сила действовала против капитализма, против развития капиталистического уклада, против промышленного капитала, который единственно и мог стать основой и стимулятором продвижения России в желательном для дворянских либералов направлении.

Считая, что покровительственная система губит дворянство, Чичерин не придавал сколько-нибудь серьезного значения мероприятиям правительства, имеющим целью поддержать помещиков: то были грошовые подачки, которые не могли уравновесить ущерба от покровительства промышленности, что же касается Дворянского банка, то, по мнению Чичерина, он оказался прямо вреден с его «разорительным соблазном дешевого кредита».

Что же все-таки следовало сделать для дворянства? Не то, о чем ходатайствовали предводители дворянства на своем совещании в 1896 г.,⁷ ибо разработанные ими проекты, считал Чичерин, «скорее поражают своей странностью, нежели обещают успешное разрешение вопроса».⁸ Майораты были хороши только для богатых представителей сословия, а никак не для беднеющих помещиков. Мысль о широком введении опеки над несостоятельными дворянами отвергалась, так как она означала, что одна часть помещиков в сущности будет содержаться за счет другой, которая с большим напряжением ведет борьбу за существование. А кроме того, искусственные меры, попытки спасти гибнущий элемент — анахронизм, к тому же вредный, так как он помешает возникновению высших форм экономической эволюции, какие могут явиться лишь плодом самостоятельности. «Свободный человек сам за себя отвечает и живет за собственный страх и риск», — обосновывал Чичерин мысль о необходимости отказа в какой-либо форме вмешиваться в естественный ход развития.

Основной принцип либерализма XIX в. — *laissez faire, laissez passer* — был той аксиомой, на которой держалась вся аргументация Чичерина. Этот подход определял взгляд Чичерина на взаимоотношения государства и дворянства. Последнее может быть полезно государству только в том случае, если оно будет крепко стоять на своих ногах. Гибнущих надо предоставить их участи, а из оставшихся «образовать ядро для класса независимых землевладельцев, управляющих местными делами и через это влияющих и на общий ход государственной жизни». «В этом, —

⁷ См.: Ю. Б. Соловьев, ук. соч., с. 255—259.

⁸ Б. Чичерин. О современном положении русского дворянства, с. 1.

писал он, — заключается вся будущность русского дворянства».⁹ Нужно, таким образом, создать именно новый класс землевладельцев, а не стремиться сохранить по возможности в нетронutom виде теперешнее сословие, как того добивалось совещание предводителей дворянства, в чем автор статьи видел один из главных пороков этого собрания. Вся развернутая им аргументация последовательно подводила Чичерина к главной мысли, в которой он высказывал свое кредо и в перспективе которой он и рассматривал дворянский вопрос. «Такой класс нужен всегда и везде. Вся сила общества состоит в заключающихся в нем независимых элементах: они одни могут служить прочной опорой государственного порядка».¹⁰ И, в России таким классом могло быть только дворянство, ибо, доказывал Чичерин, «у нас сколько-нибудь зажиточное и образованное купечество можно найти только в столицах и в нескольких больших городах».¹¹ Потому-то он приходил к заключению, что разорение дворянства «нельзя не считать бедствием для страны». Однако же искать спасения на путях возвращения к прошлому в рамках сословности Чичерин полагал совершенно безнадежным делом. «С водворением общегражданской свободы разложение сословного строя составляет лишь вопрос времени, — таков был его вывод. — Надежда вся на здоровые элементы, которые скинут с себя старые путы». Только обуржуазившись, став прусским юнкером, мог русский помещик сыграть ту роль независимой общественной силы, способной взять в свои руки действительное управление страной, которую прочил русскому дворянству виднейший его идеолог.

В статье содержался хладнокровно высказанный, хотя и достаточно участливый диагноз современного состояния дворянства, оставлявший ему только две возможности — приспособиться к новому порядку или уйти в небытие. И хотя сам Чичерин достаточно оптимистически смотрел на будущее сословия, он одновременно подразумевал неизбежность большой ампутации. Но, конечно, ни он и никто другой не мог сказать, что оставит естественный отбор от прежнего дворянства, которое, обновившись, станет ядром будущего, уже капиталистического класса землевладельцев. С точки зрения широко понятых интересов дворянства как класса, в особенности же не текущей минуты, а его будущего, Чичерин указал единственно возможный для него путь. Все, что можно было сделать для тех, кто не мог обуржуазиться, — это лишь задержать их уход, не более.

Однако главной темой статьи стала судьба дворянства и всего государственного строя России в их взаимном переплетении. Речь шла о том, по какому пути и в каком направлении надлежит продвигаться России.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Понятно, почему статья, намечавшая широкую перспективу развития, дававшая ясный и определенный ответ на один из наиболее запутанных вопросов государственной жизни и исходившая от лица с таким авторитетом, вызвала острую полемику: эти вопросы теперь стояли в центре внимания, они-то и были истинной злобой дня. Все, к какому бы лагерю они ни принадлежали (и реакция, и нарождающиеся силы революции), испытывали чувство, что Россия стоит на перепутье.

Полемика вокруг статьи Чичерина снова и особенно отчетливо показала существование в дворянстве разных течений. Еще раз обнаружилось, что те, кто говорил от имени дворянства, весьма далеки от сплоченности. В дальнейшем обсуждению подверглись две основные стороны статьи: оценка существующего положения дворянства и правительственной политики в дворянском вопросе, а также того, что можно и допустимо сделать для сословия.

Не говоря уже о самой дворянской реакции, которая встретила выступление Чичерина резко отрицательно, он со своим призывом не вмешиваться в процесс естественной эволюции, предоставив ей хирургически удалить все неприспособленное, опередил и те круги, которые в общем исповедовали его воззрения. Такой взгляд показался слишком радикальным московскому предводителю дворянства князю П. Н. Трубецкому, который одним из первых откликнулся на статью. О позиции московского предводителя лучше всего говорит высказанная им претензия, что Чичерин не выступил с громким осуждением тех, кто, по словам Трубецкого, со злорадством смотрит на разорение дворянства.¹² И ответ Трубецкого был выдержан в духе умеренной критики основных положений Чичерина, которого упрекали в том, что, погруженный в абстрактные рассуждения, он не дал дворянству практических указаний, как выйти из тяжелого положения. Трубецкой, как видно, не уловил главного в критикуемой статье, потому что именно в этом и состоял смысл концепции Чичерина, предлагавшего дать вещам развиваться беспрепятственно, не вмешиваться в естественный процесс эволюции, не подставлять дворянству костылей, на которых оно все равно далеко не уйдет. Выход должен был найтись сам, вернее, дворяне сами должны его найти, каждый сам по себе, тем самым как бы выдержать экзамен на право существования. Всякие «практические указания», как это сделать, противоречили принципу, который отстаивал Чичерин. И, видимо, не вполне это понимая, Трубецкой с Чичериным и расходился в этом-то главном принципе, отстаивая необходимость оказания помощи дворянству. В качестве таковой он перечислял те меры, которые были намечены в записке предводителей, причем не только общего характера (такие, как смягчение протекционизма,

¹² Кн. Петр Трубецкой. Несколько слов по поводу статьи Б. Н. Чичерина «О современном положении русского дворянства». — Санкт-Петербургские ведомости, 13/25 марта 1897 г., № 70, с. 1.

понижение железнодорожных тарифов), но и «некоторые желательные поправки к уставу Дворянского банка» (передача имений несостоятельных должников в опеку, введение института срочно-заповедных имений и т. д.), т. е. все то, что тяжелым камнем ложилось на развивающийся в деревне капитализм и что означало бы консервацию в экономике несостоятельного элемента, а в политике имело бы обязательным последствием параллельное усиление и возрождение наиболее реакционных тенденций. Но этого Трубецкой, очевидно, не понимал и не учитывал вовсе, отстаивая необходимость любой ценой сохранить дворянство, что бы оно собой ни представляло. Он полагал, что тем самым в чем-то ограничивает правительственную власть. Свои рассуждения князь Трубецкой мотивировал еще и опасением, что место дворянства в аппарате управления будет занято чиновничеством, против чего он был решительно настроен.

Желал этого Трубецкой или нет, но в целом он оказывался гораздо ближе к открытой дворянской реакции, чем к Чичерину. Скорее, это произошло бессознательно, так как ответ Трубецкого отличала способность осознать последствия защищаемых им действий, охватить основные жизненные процессы в их развитии. То, чего не отнимали у Чичерина даже его противники (широта взгляда, ясность и стройность концепции), у Трубецкого полностью отсутствовало. В своем ответе он предстал типичным эклектиком.

Возражения Трубецкого и очевидное непонимание им сути развитой Чичериним концепции побудили последнего снова взяться за перо. Во второй статье Чичерина главное место занял анализ положения дворянства в современном обществе, их взаимодействие и эволюция. Из этого Чичерин выводил возможный и желательный для сословия образ действия, устанавливая, в чем состоят истинные интересы дворянства и где пролегает для него в конце XIX в. граница достижимого. Он считал нужным еще раз подчеркнуть программное положение своей первой статьи, настаивая на том, что дворянство должно быть независимым элементом, который «не вопиет о пособиях, не раболепствует перед властью в надежде на получение от нее выгод».¹³

Подробно развивалась мысль о бесполезности и даже вредности какой бы то ни было поддержки тех, кто самостоятельно не может приспособиться к новой жизни. Спасти гибнущее нельзя. Можно лишь продлить агонию, заражая все вокруг. «Те имения, которые спасаются с помощью благотворительных капиталов или милостей правительства, запутываются все в большие долги», — обобщал он накопившийся в этом отношении опыт. А между тем,

¹³ Б. Чичерин. Еще несколько слов о положении русского дворянства. (Ответ князю П. Н. Трубецкому). — Санкт-Петербургские ведомости, 30 марта/11 апреля 1897 г., № 86, с. 1—2.

делал Чичерин правильный вывод, «чем более дворянство взывает о помощи, тем более оно признает свою несостоятельность». Но более всего Чичерин заботился на этот раз о том, чтобы довести до сознания своих оппонентов мысль о взаимосвязи общественных явлений, о существовании известных закономерностей в общественном развитии, с которыми волей-неволей придется считаться, о невозможности вернуться назад, в другую эпоху, поскольку за прошедшие после реформы десятилетия новый уклад утвердился и пустил глубокие корни, стал действительной основой происходящих в жизни страны процессов, «вошел в наши привычки и нравы, можно сказать, в плоть и кровь русского общества».¹⁴ Он старался сделать очевидной безнадежность попыток строить будущее дворянства на возрождении прошлого, на реставрации того, что в XVIII и даже XVII в. естественно и необходимо выросло из крепостного права, а теперь, без этой основы, повисало в воздухе. Без крепостничества сословный строй терял почву, и Чичерин писал об его обреченности в новых условиях и о бесплодности усилий заново обособить дворянство в замкнутую касту, а именно это было главным для дворянской реакции. «В этом обнаруживается, — замечал он, — полное непонимание настоящего положения». Он уверенно заявлял, что «держаться последнего направления — значит идти наперекор не только всему историческому развитию государственной жизни, но и существующему у нас общественному строю, установленному эпохой преобразований». Чичерин, напротив, призывал старое дворянство сблизиться с новым буржуазным землевладением, образовать новый единый класс земельных собственников.

Надежда на возврат к старому становилась тем менее реальной, что дворянство перестало представлять собой однородную массу. В нем образовались два «противоположных течения», о чем со своей, конечно, интерпретацией писал в то же самое время и Мещерский, «одно — обращенное назад, другое — смотрящее вперед, одно — всего ожидающее от правительственных милостей, другое — старающееся в себе самом найти силы для обновления».¹⁵

Обе статьи Чичерина вызвали резкие нападки реакционной печати во главе с «Московскими ведомостями». Его упрекали в том, что он подразумевает неизбежность и желательность реформирования государственного строя России. Опровержению концепции Чичерина «Московские ведомости» посвятили серию статей, написанных с претензией противопоставить его взглядам не отдельные возражения, а контрпрограмму. Открыла ее статья «Б. Н. Чичерин о дворянском вопросе», появившаяся 4 апреля 1897 г. Газета, которая постоянно призывала к употреблению

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

силы для подавления инакомыслящих и для поддержания существовавших в России архаичных порядков, теперь обвинила Чичерина в пренебрежении к слабым и в преклонении перед сильными, в проповеди беспощадной борьбы за существование. «Московские ведомости» прежде всего категорически отвергли принцип свободного, беспрепятственного развития, бывшего основой отстаиваемых Чичериным взглядов. Они, напротив, выступили за самое решительное, хирургическое вмешательство государства в процессы экономической и политической жизни страны для упрочения всего старого, отжившего, и прежде всего старорежимного дворянства, безусловно одобряя все принятые в его пользу меры. «Борьба за существование и право сильного должны-де беспрепятственно господствовать в современном нам обществе и, конечно, дойти до апогея в будущем идеальном, вполне свободном государстве»,¹⁶ — писали «Московские ведомости» в осуждение Чичерина. Главным криминалом для газеты был практический вывод из его либеральных воззрений, то, что Чичерин предлагал, в истолковании «Московских ведомостей», «только бодро и спокойно смотреть, как теперь исчезают те дворяне, которые не в силах выдержать борьбу за существование, и как впоследствии в той же борьбе исчезнет и все дворянство вообще».¹⁷ Все это объявлялось наследием первых пореформенных лет, и сам Чичерин фигурировал в статье как «наивный мечтатель 60-х годов».

Пожалуй, самым тревожным и опасным была для «Московских ведомостей» проводимая Чичериным аналогия между историей России и историей Западной Европы, не высказанная, но подразумеваемая мысль, что России предстоит пройти тот же путь. А если так, то, дописывали они за Чичерина, пускаясь в теоретизирование, «гибель дворянства есть только первый шаг к гибели монархии».¹⁸ Но возможности и, скорее, закономерности повторения уже известных событий на русской почве «Московские ведомости» признавать не желали. Газета стремилась доказать неоднотипность России и Западной Европы, более того, их полное несходство и противоположность. Таким образом, славянофильская теория самобытности России оживала вновь, на этот раз в наиболее реакционной интерпретации. Практический смысл самобытности для «Московских ведомостей» заключался в том, что самодержавие в России будто бы не просто отличается от абсолютизма в Западной Европе, а представляет собой нечто принципиально новое, а потому его судьба не будет повторением того, что случилось с монархией в западных странах. Превратно толкуя прошлое и просто пускаясь в свободное фантазирование, «Московские ведомости» постулировали, что «самодержавная

¹⁶ Б. Н. Чичерин о дворянском вопросе. — Московские ведомости, 4/16 апреля 1897 г., № 93, с. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

власть русских царей имеет *совершенно иное* происхождение и *совершенно иное* значение, чем западный абсолютизм, возникший на чуждой нам феодальной почве. Точно так же и русское служилое, поместное дворянство по своему происхождению и значению *ничего не имеет общего* с бывшим западным феодальным дворянством, а потому и судьба русского дворянства и русского самодержавия, т. е. судьба всей России, должны быть совершенно иными, чем судьба Западной Европы». ¹⁹

Декларируя это, «Московские ведомости» как нельзя более четко засвидетельствовали, что они не желают признавать самых очевидных фактов, принципиально игнорируют действительность, и в этой позиции газеты отразился общий подход к основным политическим проблемам многих из стоявших тогда у власти.

Считаясь, по-видимому, с тем, что не для всех подобное обращение с историей окажется приемлемым и убедительным, «Московские ведомости» выдвигали и второе возражение, исходя на этот раз именно из опровергаемой концепции. Если Россия и Западная Европа однотипны, то «для нас было бы безумием проделывать этот путь, коль скоро мы видим, что Европа, уничтожив сословный строй и самодержавную монархию, идет по наклонной плоскости к бездне социализма, являющегося ближайшим и естественным последствием демократического парламентаризма». ²⁰

Знаменем газеты стала теория самобытности России, получившая теперь наиболее реакционную за все время своего существования трактовку. Статьи за статьями представляли собой вариации на тему об исключительности и оригинальности русских порядков и установлений. Неповторимым свойством России изображался сословный строй, на котором держалось все государственное устройство. Пренебрегая каким-либо правдоподобием, «Московские ведомости» рисовали фантастическую картину дружной работы на пользу друг другу сословий, сплотившихся в бескорыстном служении государству. Их гармоничное существование исключало какую-либо сословную рознь. Крестьяне и дворяне жили в мире и во взаимном согласии, каждый исполнял свое предназначение. «В конечном результате явление сословной розни оставалось чуждым России до самого последнего времени», ²¹ — заявлялось в газете. Но и теперь существует лишь «иллюзия сословной розни», которая обременена своим возникновением злонамеренной деятельности интеллигенции. Чтобы сделать более доказательным тезис о придуманных преимуществах сословного строя, газета сравнивала его то с армией, где каждый род оружия (т. е. сословие) обособлен, каждый нужен, то с оркестром, с уподоблением сословий инструментам

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Сословная рознь. — Московские ведомости, 5/17 мая 1897 г., № 122, с. 1—2.

(дворяне, конечно, первые скрипки). На Западе, продолжали «Московские ведомости» свое детски наивное, но показавшееся им очень удачным сравнение, «полная какофония». Там, с пафосом обличали эти защитники обскурантизма во всех его формах, воцарилась «первобытная, варварская борьба за существование», а власть находится в руках «случайных партий».²²

Эти простенькие софизмы звучали насмешкой над всей так хорошо известной действительной историей, представляли собой самый незамысловатый политический лубок, принявший на страницах газеты совсем уже гротескные формы. Налицо было полное неприятие действительности конца XIX в., полный отказ считаться с тем, что несли с собой современность, капиталистический способ производства. Рассуждения о сословности выдавали ничем еще не нарушенный дореформенный образ мыслей. Позиция, занятая «Московскими ведомостями», говорила о том, что отставание в политическом развитии идеологов русской реакции измерялось многими десятилетиями.²³

Господствующий примитив, полная глухота ко всему, что нес с собой наступающий XX в., лишь у немногих уступали место более трезвому и осознанному подходу к действительности. Те из лагеря реакции, кто до некоторой степени учитывал особенности переживаемого времени, кто был способен в какой-то мере воспринимать реальный смысл происходящего, находились в явном меньшинстве. Взгляды этой части реакционного лагеря отразились в статье князя Д. Цертелева в «Санкт-Петербургских ведомостях». Цертелев одинаково с «Московскими ведомостями» не принимал тезиса Чичерина об обреченности унаследованного от крепостничества сословного строя, не склонялся перед «мнимым авторитетом истории». Он тоже считал, что то или иное решение дворянского вопроса явится ключом к будущему государственному развитию России. Сохранить дворянство значило для Цертелева возродить сословный строй, делавшийся, в представлении автора статьи, остовом всего общественно-государственного устройства России.

Добиваясь этого поворота к прошлому, Цертелев исходил в своих рассуждениях из современных условий жизни. Он оперировал современными понятиями и не пробовал скрывать свои настоящие цели.

Если «Московские ведомости» в своих рассуждениях уходили от действительного мира и обволакивали подлинные отношения в современном обществе туманом всяческих фантазий и выдумок, видя в неохотно признаваемых ими классовых противоре-

²² Дворянский вопрос. — Московские ведомости, 6/18 мая 1897 г., № 123, с. 1.

²³ Сословная рознь. — Московские ведомости, 5/17 мая 1897 г., № 122, с. 2.

чиях, или, как они по-своему называли, «сословной розни», подстрекательство интеллигенции, то Цертелев снимал с них всякие покровы. Он хорошо понимал и его пугало то, что «народные массы начинают все яснее сознавать, что для них важна не политическая свобода, не мнимое участие в верховной власти, а возможность некоторой материальной обеспеченности, без которой всякие политические права только призрак или лишнее бремя».²⁴ И сословный строй был для него не тем хорош, что при нем будто бы достигалась идиллия гармонического сосуществования различных общественных групп, а тем именно, что он лучше позволял держать в узде эту народную массу, затрудняя ей переход к широкой классовой борьбе против эксплуататорского общества в целом. «Стоит уничтожить сословные перегородки — и экономический антагонизм не только не ослабевает, а проявится с удвоенной силой, так как тогда неравенство станет возможным только в этой сфере и будет тем более чувствительно»,²⁵ — достаточно реалистически оценивал Д. Цертелев вероятные последствия демократизации общества, которая противопоставит враждебные классы в уже ничем не затемняемом антагонизме.

Его вывод диктовался этим опасением: «Для государства пока еще не поздно лучше сохранить сословные привилегии и даже сословные предрассудки, чем лишиться прочно организованного сдерживающего элемента в предстоящей всеобщей борьбе на экономической почве».²⁶ Цертелев высказывал убеждения, что, поддерживая и реставрируя эти пережитки крепостничества, самодержавная Россия будет гораздо лучше подготовлена к отражению натиска народных масс на господствующие классы, чем буржуазный Запад. «Вот почему, — писал он, предвидя приближение решительной схватки, — самодержавие и тесно связанный с ним сословный строй имеют в настоящее время не только национальное, но и мировое значение».²⁷

Развернутому реакцией во всех ее оттенках и разновидностях наступлению на утверждающиеся в России общественно-экономические отношения, на буржуазно-капиталистический строй (а именно они и были в конечном счете объектом атаки) не противостояло ничего столь же организованного и целенаправленного. В поддержку Чичерина раздавались отдельные голоса, но эти одиночные выступления всего более напоминали разрозненные партизанские действия. О своей солидарности с Чичериным заявил в «Санкт-Петербургских ведомостях» князь Д. Друцкой-

²⁴ Кн. Д. Цертелев. К вопросу о современном положении русского дворянства. (По поводу статей Б. Н. Чичерина). — Санкт-Петербургские ведомости, 24 апреля/6 мая 1897 г., № 109, с. 1.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Соколинский. Его статья снова подтверждала, что критика экономической политики правительства исходила в первую очередь от либерального крыла дворянства. Друцкой-Соколинский упрекал «Московские ведомости» в том, что они не только не осуждали протекционизм, а, наоборот, всегда были его ярким защитником, т. е. проводником программы, «разорившей все русское землевладение, в том числе и дворянское». ²⁸ «Они, — отмечал он коренное противоречие их позиции, — предлагают помочь дворянству ... вне условий, созданных нашей экономической политикой ... как будет достигнута эта цель — неизвестно». ²⁹ Вслед за Чичериным Друцкой-Соколинский упрекал правительство и в том, что, пренебрегая материальными интересами дворянства, оно потеснило его и в политической сфере, создав институт земских начальников и подчинив земство, хотя бы и с увеличенным дворянским представительством, надзору губернских властей. Это расценивалось как нежелательное развитие «административного механизма в ущерб старинному местному дворянскому самоуправлению». ³⁰

Демонстрируя свое единомыслие с Чичериным, Друцкой-Соколинский высказываниями о дворянстве затрагивал, подобно ему, тему гораздо более широкую. Как для крайней реакции, так и для либерального крыла дворянства дворянский вопрос был поводом, чтобы перейти к обсуждению главных вопросов внутренней политики. И о земских начальниках Друцкой-Соколинский отзывался отрицательно не только потому, что их появление в уезде несколько отодвинуло местных дворян на второй план, но и потому, что не одобрял самого смысла и направления их деятельности. «Постоянно воспитывать, постоянно держать в опеке кого бы то ни было в виде общей меры положительно невозможно, особенно если воспитываемым и опекаемым является такое громадное сословие, как крестьянство ... — писал он. — Под официальной оболочкой будет неминуемо беспрепятственно проходить процесс самостоятельной жизни и с тем большей энергией, чем более наружно он будет стеснен». ³¹

Несколько статей о дворянстве в духе Чичерина поместило «Новое время», довольно неожиданно оказавшееся по этой причине в роли главного оппонента «Московских ведомостей», с которым те начали, сразу взяв повышенный тон, вести полемику. Выступление «Нового времени» было бесконечно далеко от какой-либо намеренной оппозиционности и несравненно бледнее и слабее концепции Чичерина. Более того, газета не покушалась

²⁸ Кн. Д. Друцкой-Соколинский. Б. Н. Чичерин и «Московские ведомости». — Санкт-Петербургские ведомости, 16/28 мая 1897 г., № 131, с. 1.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

сказать что-либо резкое в адрес дворянства, и в тоне весьма предупредительном, с многочисленными реверансами в сторону дворянства она лишь старалась поставить дворянский вопрос в общий контекст последних лет XIX в., как-то убавить связанную с ним одиозность.

Позиция газеты была довольно верно подмечена Мещерским, писавшим, что «Новое время», «надо отдать ему справедливость, лавирует между Харибдою и Сциллою очень ловко, задавшись трудною двойною задачею не быть в разладе с правительственными намерениями и не идти против течения».³² Газета сводила дворянский вопрос к повышению производительности сельского хозяйства вообще и к расширению прав земства, т. е. к увеличению влияния прежде всего дворянства на ход местных дел, с сохранением всех существующих общественных и экономических отношений в общих чертах в прежнем виде. Рескрипт на имя Дурново становился в таком толковании не попыткой крутого изменения прежнего курса, а еще одним шагом по пути осторожного, с оглядкой назад, развития порядка, укоренившегося в России после отмены крепостного права.

Воспрянувшая после появления рескрипта крайняя реакция, полемизируя на страницах «Московских ведомостей» и «Гражданина» с «Новым временем», все более обнаруживала, насколько далеко превосходят ее собственные замыслы эту скромную программу. Становившийся все отчетливее план состоял в том, чтобы сдвинуть страну с пути, по которому она шла с 1861 г., пусть и не по прямой линии, с зигзагами, с большими колебаниями и отступлениями назад, и покатить ее по наклонной плоскости к прошлому, уже без зигзагов и колебаний. Крайне переоценивая силы реакции, «Московские ведомости» считали обстановку для совершения этого переворота на редкость благоприятной. «Все способствует тому, — с пафосом восклицала газета, — чтобы мы снова устроились с надлежащей прочностью и зажили спокойной и осмысленной жизнью в духе наших основных верований, идеалов и представлений».³³ Теперь они сочли возможным отбросить всякую маскировку и назвать целью восстановление дореформенных порядков уже в качестве системы, оповещая при этом о «твердом решении государственной власти достаточно сильными мерами восстановить государственный сословный строй, существовавший в дореформенную эпоху».³⁴

Решение дворянского вопроса в смысле возвращения дворянству прежнего значения, вторичное разделение общества на сословия и подчинение их дворянству были рычагом для совер-

³² Дневники, 4 мая. — Гражданин, 8 мая 1897 г., № 35, с. 19.

³³ Сословная рознь. — Московские ведомости, 5/17 мая, 1897 г., № 122, с. 2.

³⁴ Земство и дворянство. — Московские ведомости, 16/28 мая 1897 г., № 133, с. 1.

пления задуманного переворота, возвращения страны на те позиции, с которых она ушла после отмены крепостного права. Конечно, никакая сила не могла бы произвести такое грубое насилие над жизнью, но важно то, что эта утопия появилась, что эту невозможность хотели сделать основанием всей внутренней политики, ибо дворянский вопрос — главнейший государственный вопрос — в том виде, как его понимали и истолковывали «Московские ведомости», становился осью всей внутренней политики. Это говорило о том, что некоторые представители правящих кругов уже мало чем были связаны с действительностью и двигались вслепую. Если политика, по определению Бисмарка, есть искусство возможного, то то, что проповедовали «Московские ведомости» и «Гражданин», было прямым антиподом этого. Тот компас, который они давали власти, был безнадежно испорчен, неизменно указывал ложное направление, мог привести самодержавие только к потрясениям и в конечном счете к катастрофе. «Московские ведомости» и «Гражданин» показали себя в этот период весьма опасными советчиками.

Не ощущая все более усложняющейся обстановки внутри России и не видя ее неблагоприятных для самодержавия изменений, они настойчиво толкали царизм на опрометчивые поступки. Положение, определяемое быстро надвигающимся и уже начавшимся кризисом, требовало от власти предельной осмотрительности, осторожного и гибкого маневрирования, а в это время «Гражданин» печатал такие рецепты урегулирования все более усложнявшихся внутриполитических проблем: «Толпе достаточно крикнуть властным голосом: „На колени!“, и она станет на колени, обожая того, у кого достало силы власти подчинить ее и упорядочить».³⁵ Безмерное легкомыслие этой формулы прямо граничило с политической хлестаковщиной, обнаруживая абсолютное непонимание и отсутствие малейшего предчувствия того, в какой сложный период вступает, да уже и вступило самодержавие.

Притупление у наиболее реакционных кругов способности к общей политической ориентации, полное смещение перспективы и утрата чувства пропорции сказались в ряде проектов, связанных с решением дворянского вопроса. Оценки тех или иных явлений и вытекающие из них предложения, если бы они получили практическое применение, грозили серьезно подорвать устои, на которых покоился с таким пылом защищаемый государственный строй. Реакционная мысль оказывалась в плену своих собственных построений.

Одно из самых значительных по своим возможным последствиям выступлений «Московских ведомостей» и «Гражданина»

³⁵ Дм. Бодиско. Дворянский вопрос — вопрос государственный. — Гражданин, 15 мая 1897 г., № 37, с. 6.

касалось реорганизации государственного аппарата. Антагонизм и даже раскол между дворянством и чиновничеством мог стать главным итогом тех рекомендаций, с которыми обращались к верховной власти эти издания. Оба столь тесно связанные между собою элемента теперь резко противопоставлялись друг другу.

Призывая к возрождению сословности, что подготовило бы возвращение дворянству монополии управления страной на всех уровнях государственной службы, «Московские ведомости» обвинили в принципиальной неблагонадежности существующий аппарат управления. Бюрократия, чиновничество становились для газеты чем-то вроде ниспровергателей устоев, прямых пособников революционеров. Именно своим политическим противникам — либералам — приписывали «Московские ведомости» идею «чисто бюрократической, сверху до низу, системы управления», казавшуюся газете крайне вредной и опасной, ибо «при прочном водворении начала бессословности бюрократическое чиновничество было бы глубоко демократизировано и, оставшись единственным способным к управлению слоем в России, не замедлило бы сплотиться и самозванно от имени народа — в качестве „просвещенного класса его“ — добиваться конституции». «Такой исход совершенно неизбежен, — категорически формулировала газета свою уверенность в политической ненадежности чиновничества, — и к нему, несомненно, привело бы повсеместное воцарение у нас бюрократии».³⁶ Те, кто попадает в аппарат власти при ныне действующей системе, — это «первые встречные», которые должны уступить свое место «наиболее способным, наиболее просвещенным, наиболее опытным», «лучшим людям».

Этот выпад оказался лишь началом целой кампании, направленной против бюрократии, в которой «Московские ведомости» действовали бок о бок с «Гражданином». На другой день после первой вылазки «Московские ведомости» поместили статью, которую следовало бы назвать антибюрократическим манифестом. В ней объявлялось, что «лучших людей» аппарату управления может дать «лишь сословная, наследственная, традиционная дворянская среда». Лица другого происхождения, которые все больше заполняют правительственные канцелярии, независимо от своих способностей и даже именно благодаря им признавались решительно негодными для государственной службы. Газета особенно предостерегала именно против способнейших — этих «выскочек службы», «удачливых карьеристов», по терминологии «Московских ведомостей».³⁷ «Эти случайные люди, — предупре-

³⁶ Дворянский вопрос. — Московские ведомости, 16/28 апреля 1897 г., № 103, с. 2.

³⁷ Дворянский вопрос. — Московские ведомости, 17/29 апреля 1897 г., № 104, с. 1.

ждали они, — как показывает нам история России, могут обладать блестящими способностями, могут отличаться тонким знанием своего дела, неутомимым трудолюбием, но слабую их сторону составляет неустойчивость *политических принципов*, смутное понимание *чувства долга* и отсутствие безграничной преданности монарху.³⁸

Это была политическая компрометация чиновничества, огулом обвинявшегося в лице своих представителей, достигших наиболее высоких степеней, не более и не менее, как в политической неблагонадежности. О них говорилось как о «не признающих для себя ничего священного». Но и этих неумеренных обличений редакции показалось недостаточно, и чтобы уже окончательно дискредитировать носителей описываемых «пороков», газета, не произнося самого слова, называла их изменниками. «В минуту расстройств и опасности ... такие люди становятся опаснейшими элементами, и тем опаснее, чем они способнее»,³⁹ — выводили «Московские ведомости» что-то вроде пового политического закона.⁴⁰

И для «Гражданина» высшие бюрократические сферы были переполнены людьми неблагонадежными, отчасти по неведению, а отчасти сознательно колебавшимися устои самодержавия. И он тоже не находил достаточно сильных слов для своих обличений. По аттестации Мещерского, «высшая среда» в Петербурге существовала в климате, где не было «ничего положительного, ничего безусловного, ничего исторического, ничего народного, ничего священного и ничего строго обязывающего. Наоборот, в этой атмосфере все относительно и условно, и вследствие этого все шатко и разнуздано, ибо подчиняется ... исключительно заботе, как согласить требования европейской политической цивилиза-

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Антибюрократические инвективы «Московских ведомостей» не были, впрочем, совершенной новостью. Они имели давних и видных предшественников. Чиновничество попало на подозрение еще во времена Николая I. Оно начало восприниматься как сила чуждая, способная стать в известных условиях, при ослаблении бдительного над ней контроля и надзора, опасным соперником. Недоверие к бюрократии было открыто высказано одним из виднейших деятелей николаевского царствования — графом Уваровым. Он называл чиновников «*сословием людей без прошлого и будущего*», «совершенно похожими на класс пролетариев» и ожидал от их преобладания в государственном аппарате самых вредных для самодержавия последствий. «В скором времени этот класс, — писал он дарю в особой записке в феврале 1847 г., — при уклонении от служения престолу высшего (т. е. дворянства, — *Ю. С.*) и незрелости низшего, возникнет с непреоборимой силою и тем ознаменует переход политической деятельности в руки *среднего класса*, что в прочих европейских государствах называется *Tiers Etat* или *Bourgeoisie*» (см.: ЦГИА СССР, ф. 1200, оп. т. XVI, д. 1, ч. 2, л. 283 об.). То, что теперь писали «Московские ведомости», было далеким, но достаточно верным эхом предостережений Уварова.

ции, по-своему извращенно понимаемой, с потребностью Русского государства, еще извращеннее понимаемого».⁴¹

Дезавуируя высшую бюрократию, «Гражданин» открывал причину, толкнувшую его к этому. Если «Московские ведомости» объясняли занятую позицию больше соображениями абстрактного порядка, то для «Гражданина» дело решала лишия петербургских бюрократических сфер в дворянском вопросе, какой она представлялась князю Мещерскому. Бюрократический Петербург обвинялся в безразличии и даже в прямой нерасположенности к дворянству. «Большинство чиновничества, хотя и дворянского происхождения», относилось к нему будто бы «несочувственно».⁴² Вот как описывалось положение предводителей дворянства съехавшихся в начале мая в столицу для участия в обсуждении проекта о понижении платежей заемщиков Дворянского банка. «Вообще, если их примерять к Петербургу в его ensemble, они кажутся чем-то вроде жителей другой планеты, попавшими сюда с заботами своей, но совсем чужой Петербургу атмосферы. Сановник смотрит на этого свалившегося к нам предводителя ... с видимым оттенком сожаления. Его физиономия говорит: „Мне жаль тебя, несчастный предводитель чего-то несуществующего“, и слушает он этого предводителя, говорящего о нуждах дворянства, с тем же лицом, с каким слушают бред душевнобольного. Другой сановник выражает свою физиономиею слова: „Опять за подачками приехали“».⁴³

Это не было для Мещерского новым явлением, потому что и при создании института земских начальников, вспоминалось ему, в высших сферах преобладал скептицизм.⁴⁴ Прошрое и настоящее убеждали его в том, что с «Петербургом ничего не поделаешь».⁴⁵

Эти воинственные наскоки на бюрократические сферы изданий, рекламировавших себя в качестве дворянских органов, могли лишь затруднить удовлетворение дворянских домогательств, а кроме того, претворение на практике программы «Московских ведомостей» и «Гражданина» — выдвижение в качестве главного критерия при определении на государственную службу происхождения, рядом с которым способности и пригодность к делу были чем-то второстепенным, — повлекло бы за собой паралич государственного аппарата, и без того буксовавшего на ровном месте. Уже из одного чувства самосохранения самодер-

⁴¹ Петербургское и русское дворянство. — Гражданин, 29 мая 1897 г., № 41, с. 3.

⁴² Дм. Бодиско. Дворянский вопрос — вопрос государственный. — Гражданин, 22 мая 1897 г., № 39, с. 3.

⁴³ Дневники, 2 мая. — Гражданин, 4 мая 1897 г., № 34, с. 20.

⁴⁴ Петербургское и русское дворянство. — Гражданин, 29 мая 1897 г., № 41, с. 3.

⁴⁵ Там же.

жавие не могло положить эти советы в основу практической деятельности, как бы оно им ни сочувствовало.

Конечно, все обвинения в адрес правящих сфер были до карикатурности преувеличены. Едва уловимый либерализм (а вернее сказать, просто способность в какой-то мере считаться с действительностью) некоторых их представителей невероятно раздувался. Умеренных консерваторов выдавали за ниспровергателей сущего, между тем как петербургская бюрократия в массе твердо стояла на страже существующего порядка. В том и заключался парадокс, что бюрократия, охраняя персонифицируемый ею государственный строй, не была заинтересована в коренной реконструкции громоздкого, неповоротливого правительственного механизма, мало годившегося для резких рывков и бесшабашных экспериментов. Но существующий порядок и общий ход дел не удовлетворяли дворянскую реакцию, которая как раз стремилась к коренным переменам, к решительной ломке строя жизни, установившегося в стране после 1861 г., потому что только таким образом можно было бы совершить реставрацию в намечаемых масштабах. На этой почве и возникло расхождение между частью бюрократии и дворянской реакцией.

Да и вообще нужно было быть политическим слепцом, чтобы вовсе не осознать, какие потрясения ждут страну и сам царизм на этом рискованном пути переделки всего здания по дореформенному образцу. И отнюдь не все представители высших бюрократических и правительственных сфер готовы были ринуться в авантюру, какой было разрушение всего созданного за десятилетия, а дворянская реакция именно так ставила вопрос. Далеко не все в этих кругах поддерживали и предыдущие продворянские меры, круто ломавшие пореформенные порядки, о чем теперь в обвинительном топе напоминал «Гражданин». Далеко не для всех консервативно и даже реакционно настроенных кругов политика слепой реакции была единственно возможной политикой.

Провоцируя разлад между дворянством и бюрократией, крайняя реакционная печать вместе с тем повела дело к серьезному обострению отношений внутри самого дворянства. Его неоднородность, экономическая и политическая, осознавалась с давних пор и в правительственных сферах. Естественна была неодинаковость и даже известная противоречивость взглядов и целей мелкого, среднего и крупного дворянства, конечно, совмещавшаяся с общностью основных классовых интересов.

Невероятно гипертрофируя эти различия, «Гражданин» и «Московские ведомости» принялись изображать крупнопоместное дворянство, или лендлордов — название, которое приобрело на их страницах бранное значение, — непримиримым противником среднепоместного дворянства и вообще дворянского дела. Развернутая в этом плане кампания, как и направленная против

чиновничества, отличалась крайней несдержанностью и по форме, и по содержанию. Лендлорды, по уверению «Гражданина», состояли в союзе с заклятым врагом дворянства, которым числился «интеллигент».⁴⁶ Интеллигенты же действуют заодно с поляками и евреями, и все вместе готовят гибель дворянству. Дворянские верхи будто бы на стороне этого альянса — в этом для автора статьи не было ни малейшего сомнения. «В унисон с этими господами поет земельная аристократия, богатые и знатные дворяне, положение которых обеспечено»,⁴⁷ — обличал он. В статье делалась попытка объяснить причины этого странного явления: «Эти люди считают себя выше поместного дворянства, относятся к нему с некоторым презрением, свысока и желали бы, пожалуй, сокращения этого дворянства, чтобы превратиться в лендлордов и явиться единственными распорядителями деревни».⁴⁸ Внушая себе это, Д. Бодиско приходил в воинственное расположение духа и, переходя на терминологию из военной области, писал в заключение: «Дворянский вопрос находится в положении армии, окруженной со всех сторон полчищами врагов, если и не храбрых, то во всяком случае вооруженных. Казалось бы, из этого положения нет выхода. Остается сложить оружие и сдаться! Но этого не будет».⁴⁹

Этот воинственный, задиристый тон в дальнейшем звучал не раз, когда «Гражданин» писал о крупном дворянстве. Неделю спустя та же тема была развита уже самим Мещерским, обвинившим «петербургское», т. е. наиболее богатое и обеспеченное, дворянство во враждебности ко всему остальному сословию. «Дворяне-магнаты» зашли в этом даже дальше тех, кого он считал открытыми политическими противниками. Они и были настоящими творцами антидворянского климата в Петербурге. Они говорят о дворянском деле, «поставленном на очередь государственных вопросов самим государем, с сомнением, с пренебрежением, с пасмешкой».⁵⁰

Вместе с высшей бюрократией сановное, родовитое дворянство, представленное главным препятствием на пути осуществления воли царя, чем-то вроде политической оппозиции, тоже становилось объектом политической компрометации. Действительное отношение обеих сил к дворянству и дворянскому вопросу получило у крайне правых весьма причудливое отображение.

⁴⁶ Дм. Бодиско. Дворянский вопрос — вопрос государственный. — Гражданин, 22 мая 1897 г., № 39, с. 3.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, с. 3.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Петербургское и русское дворянство. — Гражданин, 29 мая 1897 г., № 41, с. 2.

Бесполезные для установления действительной позиции как верхушки бюрократии, так и высших слоев дворянства, агрессивные выступления «Московских ведомостей» и «Гражданина» важны как свидетельство того разлада и разброда, в котором пребывал лагерь реакции в момент, когда предполагалось совершить смену курса. Неистовые нападки на чиновничий и дворянский Петербург служили косвенным признаком того, что осуществление программы наиболее реакционных кругов дворянства будет далеко не легким делом и что в правящих сферах крайняя реакция не может рассчитывать на безусловную поддержку своих притязаний. Кроме того, еще раз обнаружилось, до какой степени сами эти притязания превосходят все реально достижимое, насколько оторвались от действительности и грубо ошибаются в ее оценке вдохновители развертывавшегося наступления крайних.

Но как ни нежизненны, примитивны, а то и просто нелепы были предлагавшиеся решения и методы, деятельность этой фракции привлекает особое внимание не только потому, что голос ее заглушал все остальные, но и потому, что на самом верху власти она приобретала все большее влияние. Николай II, только еще учившийся царствовать, проходил ее школу. Пока неизвестно, как преломлялись в это время в его сознании наставления «Гражданина». Что же касается «Московских ведомостей», то они сыграли заметную роль в его политическом воспитании, как видно из письма царя великому князю Сергею Александровичу. «Мне чрезвычайно нравятся статьи и вообще тон этой газеты, и я успел уже почерпнуть из нее кое-что полезное для себя»,⁵¹ — не без некоторой пылкости информировал Николай 18 февраля 1897 г. наиболее чтимого им члена романовской фамилии.

В. С. ДЯКИН

СТОЛЫПИН И ДВОРЯНСТВО

(Провал местной реформы)

Есть в истории России периоды, к которым исследователи обращались и будут обращаться неоднократно, изучая различные явления, составляющие их содержание, одни и те же события под разными углами зрения. К числу таких отрезков времени, привлекающих внимание своей важностью для понимания всего исторического развития страны, принадлежит безусловно «„стольпинский“ период русской истории»,¹ как назвал 1907—1911 гг. В. И. Ленин.

⁵¹ Николай II — великому князю Сергею Александровичу, 18 февраля 1897 г. ЦГАОР СССР, ф. 648, оп. 1, д. 71, л. 17—17 об.

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 20, с. 332.